

О ТИПОЛОГИИ ФОРМ И МОТИВОВ ДЕЗЕРТИРСТВА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ)

В. В. Миронов

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 12 августа 2011 г.

Аннотация: *предпринята попытка классификации форм и мотивов дезертирства в австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны. Не ставя под сомнение наличие политического компонента в мотивации военнослужащих, автор на основе количественного анализа уголовных дел связывает причины дезертирства с семейно-личными коллизиями и условиями воинской службы.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, австро-венгерская армия, формы протеста военнослужащих, дезертирство.*

Abstract: *the article makes an attempt to classify the forms and motives of desertion in the Austro-Hungarian Army during First World War. Without questioning the existence of a political component in the motivation of soldiers, the author, based on quantitative analysis of criminal cases, relates the causes of desertion of family and personal conflicts and conditions of military service.*

Key words: *World War I, Austro-Hungarian Army, form of protest military, desertion.*

Неизменным спутником военных конфликтов с глубокой древности являлись дезертирство и другие формы протеста военнослужащих. Представляется обоснованным методологический посыл, согласно которому дезертирство неотделимо от истории вооруженных сил [1]. Его верное истолкование зависит от ряда индивидуальных для каждой армии факторов: качества материального снабжения, степени принуждения в рамках военного института, отношения общества к вооруженным силам.

Всесторонний анализ дезертирства как исторического явления позволяет не только пролить свет на его обстоятельства, мотивы и причины, связанные с условиями военной службы, но и выявить характер взаимоотношений между армией и обществом в целом. В дезертирстве отражались специфические для той или иной исторической эпохи проблемы. В этом качестве оно служило индикатором усвоения насаждаемых из-под палки социальных норм членами армейского коллектива, ставя под сомнение легитимность военной логики.

Не оспаривая известную долю политической детерминированности девиантного поведения военнослужащих австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны, необходимо все же уделить внимание иным формам и мотивам дезертирства. Разумеется, ограниченные рамки статьи не позволяют остано-

виться на всех известных в годы Первой мировой войны вариантах дезертирства. В основе предлагаемого материала лежат результаты количественного анализа документов военных трибуналов австро-венгерской армии, хранящихся в Государственном архиве Австрии.

О численности зарегистрированных военными властями случаев дезертирства можно судить по данным, приведенным в табл. 1. Резкий количественный прирост разыскиваемых военнослужащих в 1916–1918 гг. объяснялся, помимо тяжелых поражений на фронтах мировой войны, глубоким социально-экономическим кризисом. Его последствия остро ощущались находившимися в тылу родственниками фронтовиков. Пребывание в отпусках окончательно разрушило последние бастионы государственного сознания военнослужащих: нужда родных, произвол реквизиционных отрядов в деревне, военно-полицейский режим на промышленных предприятиях значительно увеличили готовность нижних чинов и унтер-офицеров к открытому протесту против существовавших порядков.

Обратимся к результатам собственного микроисследования, охватывающего преимущественно период с 1916 по 1918 г. Специфика документооборота в военном судопроизводстве делает подвижным в нашем случае понятие географических рамок. Нередко случалось так, что вследствие повышенной мобильности воинских частей расследование заведенного

Т а б л и ц а 1

Дезертиры в австро-венгерской армии. 1914–1918 гг.
[2, с. 103], чел.

Год	Количество
1914	18 413
1915	94 041
1916	219 032
1917	452 417
1918, I квартал	193 181

уголовного дела в юрисдикции одного военно-судебного органа передавалось в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса 1912 г. в компетенцию другого трибунала [3, S. 23]. По этой причине чрезвычайно затруднительно провести четкую грань между фронтовой и тыловой преступностью [4, S. 166]. В сформированной нами выборке, включающей 511 человек, широко представлены комитаты венгерской короны, округа Боснии и Герцеговины, коронные земли Австрии. Были привлечены материалы, касающиеся положения на основных театрах военных действий: сербском, русском, итальянском и румынском. В количественном отношении (табл. 2), бесспорно, лидирует последний сценарий дезертирства.

Т а б л и ц а 2

Формы дезертирства в австро-венгерской армии.
1916–1918 гг. (подсчитано по [5]), чел.

Просрочка отпуска	180
Из расположения воинской части в тыл	149
Из воинского эшелона	68
Нет данных	37
Из госпиталя	26
Переход на сторону противника	20
Иные	11
Нарушение «открытого» приказа	10
Отстали от воинской части	10
<i>Итого</i>	511

В списках военнослужащих, своевременно не прибывших из отпусков, значились 180 человек. Рассмотрим более подробно мотивы (причины) просрочек отпусков. То обстоятельство, что такого рода информация отлагалась в протоколах следственных допросов, порождает проблему интерпретации показаний обвиняемых из-за возможных их попыток оправдать свои действия [6]. Мотивы (причины) задержек из отпусков представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Мотивы (причины) просрочки отпусков.
1916–1918 гг. (подсчитано по [5]), чел.

Полевые работы	Семейные обстоятельства	Болезнь	Карантин	Нет данных	Иные
30	25	19	6	88	12

Превалирующее количество отсутствующих данных связано с тем, что речь идет о военнослужащих, объявленных в розыск. Они не могли быть допрошены, следовательно, отсутствует важный источник, свидетельствующий о мотивации дезертиров. В качестве типичного примера сошлемся на материалы уголовного дела, возбужденного 25 мая 1918 г. против резервиста 135-го пехотного полка А. Разума. 30 марта того же года ему был предоставлен отпуск для реабилитации после полученного на фронте ранения, по истечении которого 19 апреля подозреваемый сообщил о своей болезни. Вопреки настойчивому требованию окружной администрации, А. Разум проигнорировал ее предписание поступить на лечение в гарнизонный госпиталь г. Загреб. Далее на основе рапорта местной жандармерии выдвигалось предположение, что подозреваемый умышленно скрывает свое местонахождение, не желая возвращаться на военную службу. Из прилагавшейся к уголовному делу характеристики резервиста А. Разума следовало, что он представлял собой среднестатистического солдата, не обладавшего особой отвагой, но и не прятавшегося за спинами своих товарищей [5, Gericht der 58. ITD, Karton 9598/18, Strafact 1215/1918, Razum Andro].

Превалирование в рядовом и унтер-офицерском составе вооруженных сил Австро-Венгрии лиц, занятых до войны в сельском хозяйстве, актуализировало проблему своевременного проведения полевых работ. Нижние чины и унтер-офицеры, вернувшись к семьям, нередко заставляли свое домашнее хозяйство в полном запустении, прежде всего из-за дефицита рабочих рук. Военнослужащим часто не хватало отпущенного командованием времени для завершения полевых работ и они, рассчитывая продлить отпуск, обращались с соответствующими ходатайствами к своему начальству по телеграфу, т.е. не пытались уклониться от дальнейшей службы [5, FK G der 6. AK (Quartiermeisterabteilung), Karton 2598/18, Strafact K 15686 /1918, Felleger Konrad].

Система государственного попечения мобилизованных семей переживала с конца 1916 г. серьезный кризис, вызванный прогрессирующей инфляцией [7, S. 167]. Лейтмотивом запротокотированных показаний отпускников служит утверждение о невозможности с помощью выплачиваемого государством социального пособия обеспечить минимальный жизненный уровень семьям мобилизованных. Так, совершенно стандартным было объяснение ландштурмиста 69-го пехотного полка Карла Ульца. Он оправдывал свое опоздание в часть после предоставленного ему в феврале 1918 г. месячного отпуска мизерностью получаемой его родными от государства социальной помощи: «У меня дома мать и 78-летний отец... Пять их сыновей на фронте. Мои родители не могут жить

на государственное пособие, поэтому по истечении отпуска я оставался несколько дней дома, чтобы заработать родителям немного денег» [5, FKG der Marschformationen der 6 Armee, Karton 2213/18, Strafact K 2244/1918, Ulcz Karl].

Следует ли видеть за принявшими массовый характер к исходу войны просрочками отпусков осознанный протест против ее ужасов? Британский исследователь М. Корнуэл категорически не согласен со своим соотечественником А. Скедом, утверждавшим, что австро-венгерская армия в Первой мировой войне не была сокрушена национальным вопросом. Важным показателем возрастающей дезинтеграции армии и общества Австро-Венгрии летом 1918 г. М. Корнуэл полагает взрывообразный рост количества военнослужащих, просрочивших отпуска. По самым грубым подсчетам, продолжает британский историк, они насчитывали 250 тыс. человек от личного состава дислоцированных в северной Италии войск. Прибывшие в тыл фронтовики были вовлечены в растущие общественные и национальные волнения [8, S. 179]. В секретном документе, адресованном 25 августа 1918 г. венгерским министром гонведа в имперское военное ведомство, обращалось внимание на проблему дезертирства в хорватских землях. На основе агентурных данных сообщалось, что отпускники, вдохновленные российским примером, совершали нападения на жандармские патрули [9, S. 109].

Второе место занимал классический вариант дезертирства, широко известный в мирное время. Перед пустившимися в «бега» военнослужащими вставала дилемма: отправиться на родину, переживая опасное время у родственников, или разбить лагерь поблизости от населенного пункта, ведя бродяжнический образ жизни. В обоих случаях жизнь дезертира отравлял постоянный страх ареста.

Остается дискуссионным вопрос о том, следует ли включать в разряд дезертиров военнослужащих, скрывавшихся у родственников и знакомых. С одной стороны, розыскные мероприятия проводились в первую очередь в родной общине дезертиров, практически не оставляя им шансов на спасение, а с другой – пребывание по месту жительства в период самовольной отлучки хорошо вписывался в стратегию поведения нарушителей воинской дисциплины. Они были прекрасно осведомлены о том, что возвращение к родным не связывалось в сознании военных судей с «умыслом навсегда скрыться от военной службы», служившим главным доказательством дезертирства [10, S. 48].

Жизнь «в бегах» таила в себе немало опасностей. Чтобы добыть средства к существованию, дезертирам приходилось не только нелегально работать, но и совершать мелкие кражи. Ландштурмист Ф. Гебхардт,

приписанный к 374-й автоколонне, 1 ноября 1917 г. покинул место службы. Прибыв в столицу империи, дезертир перебивался, главным образом, случайными заработками и средствами, полученными от продажи своей гражданской одежды. Он ночевал в гостиницах, не задерживаясь долго по одному адресу. 16 января 1918 г. Ф. Гебхардт был арестован военной полицией [5, FKG der 6. AK (Quartiermeisterabteilung), Karton 2216/18, Strafact K 5407/1918, Franz Gebhardt].

В нашей выборке зарегистрирован только один случай, когда военнослужащий совершил побег с фронта, руководствуясь спонтанно возникшим чувством страха. Рядовой 96-го пехотного полка Г. Босилиевич был призван в августе 1915 г. Прослужив на итальянском фронте в течение 16 месяцев, он получил тяжелое ранение, вызвавшее временную слепоту. Едва залечившего раны Г. Босилиевича снова зачислили в маршевую роту, выступавшую на фронт. Военнослужащий самовольно оставил воинское подразделение из-за страха перед повторным ранением. До своего ареста дезертир находился в Нижней Крайне, живя тем, что приносили ему местные крестьяне. 15 апреля 1918 г. трибунал 58-й пехотной дивизии приговорил Г. Босилиевича к трем месяцам строгого гарнизонного ареста с отбытием наказания после демобилизации [5, Gericht der 58. ITD, Karton 2944/18, Strafact K 150/1918, Georg Bosiljevce].

Плохая организация горячего питания на фронте вкуче с ухудшавшимся год от года продовольственным снабжением армии закономерно фигурируют в качестве самой распространенной в нашей выборке причины дезертирства военнослужащих (табл. 4). В мемуарах П. Бласковича, офицера 3-го боснийско-герцеговинского полка приводятся сведения о том, что в 1914 г. на галицийском фронте полевые кухни и обозы не поспевали за наступающими войсками, которым приходилось голодать [11, S. 17–18].

Т а б л и ц а 4

Мотивы «классического» дезертирства в австро-венгерской армии. 1916–1918 гг. (подсчитано по [5]), чел.

Семейные обстоятельства	20
Страх перед наказанием	6
Произвол командиров	4
Иные	14
Долгое время службы/отсутствие отпуска	16
Желание сменить воинскую часть	1
Распределение в маршевую роту	1
Плохое продовольственное снабжение/голод	24
Тоска по дому	6
Болезнь	2
Нежелание служить	1
Срочные полевые работы	6
Нет данных	48

К исходу войны ситуация с продовольственным снабжением была близка к катастрофе. Настроения рядовых и унтер-офицеров, решившихся на дезертирство, можно обобщить с помощью стандартной фразы, бесстрастно зафиксированной 8 июля 1918 г. в нижнеавстрийском Вельсе протоколом допроса Т. Кубика, приписанного к 6-му стрелковому полку: «Находился дома у родителей в Пасиче, недалеко от Будвайса, один день и два дня у сестры в Нетоличе. Я получил от сестры хлеб и пошел к своим родителям. ... [Отлучился. – В. М.] потому что был голоден, я не хотел дезертировать, а только забрать хлеб» [5, FKG der Marschformationen der 6 Armee, Karton 2217/18, Strafact K 4295/1918, Tomas Kubik].

На фронте тяжело переживался вынужденный разрыв с семейным окружением. По мере нарастания кризиса снабжения заботы и тревоги родных постепенно перемещались на первый план солдатских дум. Заболевания и смерть родственников, известия о которых поступали по полевой почте, целиком поглощали умы физически истощенных фронтовиков. Крушение надежд на полагавшийся в таких случаях отпуск толкало их на воинское преступление. Ландштурмист 69-го пехотного полка И. Патаки, воевавший в составе 60-го штурмового батальона, 2 июня 1918 г. самовольно отлучился со станции Прималано (Италия). К нарушению воинской дисциплины его побудило полученное от брата письмо. Последний упрекал военнослужащего в том, что он не явился на похороны отца, несмотря на отправленные в воинскую часть И. Патаки две подтвержденные жандармерией телеграммы [5, FKG der Marschformationen der 6 Armee, Karton 2217/18, Strafact K 4614/1918, Johann Pataki].

Следующий блок мотивов дезертирства связан непосредственно с особенностями военной организации Габсбургской монархии. В начале XX в. систематические издевательства над подчиненными часто становились предметом депутатских запросов [12, S. 223]. Превышение служебных полномочий, побои и оскорбления солдат унтер-офицерами и офицерами как способ обеспечения военной субординации были широко распространены в австро-венгерской армии. Об этом красноречиво свидетельствуют соответствующие распоряжения военного министерства и материалы многочисленных судебных разбирательств [4, S. 308–309].

Неудивительно, что жестокое обращение командиров с представителями рядового состава нередко вынуждало последних к бегству из воинской части. Обратимся к архивным материалам. Рядовой 15-го пехотного полка Э. Качала, страдавший ревматизмом, в марте 1916 г. провел две недели в госпитале. Несмотря на то, что после выписки у него продолжали болеть ноги, рядовой был привлечен к участию в

занятиях по строевой подготовке. Он объяснил стоявшему на плацу капралу, что из-за боли не может правильно выполнять все упражнения. В ответ на свои жалобы Э. Качала получил от капрала несколько мощных ударов кулаком в лицо, в результате чего у него открылось сильное кровотечение.

Вернувшись в казарму, рядовой хотел направиться в ротную канцелярию, чтобы сообщить дежурившему там фельдфебелю о превышении капралом служебных полномочий, но не застал его. Не имея свидетелей своего избиения и товарищей из-за недавнего перевода в данное подразделение, Э. Качала решил на побег. Рядового охватило отчаяние, и, по его словам, он не знал, что делать. В течение двух недель он пробирался через леса и поля в родную деревню, живя попрошайничеством. Днем дезертир отсиживался в укрытии, а ночью передвигался окольными путями. Прекрасно осознавая неизбежность своего ареста, Э. Качала предпочел его новому избиению в роте [5, FKG der Marschformationen der 6 Armee, Karton 2211/18, Strafact K 1688/1918, Elias Kaczala].

Регулирование очередности отпусков рядового и командного состава было другой труднорешаемой проблемой. Изнуренные окопным бытом и лишениями военнослужащие, столкнувшись с проволочками в реализации своего права на отпуск, самовольно отлучались из воинских подразделений. Некоторые из них, неся фронтную службу с момента всеобщей мобилизации 1914 г., так и не смогли воспользоваться полагавшимся им отпуском. К ним относился ландштурмист 24-го пехотного полка Т. Макогон, непрерывно находившийся на фронте с момента объявления войны России (6 августа 1914 г.). Именно по этой причине, со слов дезертира, в январе 1918 г. он отправился по железной дороге во Львов [5, FKG der 6. AK (Quartiermeisterabteilung), Karton 2216/18, Strafact K 5380/1918, Theodor Makohon]. Военнослужащие жадно ловили любую новость, связанную с возможностью получения отпуска. В декабре 1917 г. окопы и блиндажи обошло известие о подписке на 7-й военный заем. Подписавшиеся на сумму в 1000 крон солдаты премировались внеочередным отпуском, но на деле данное положение действовало совсем недолго. Полное разочарование по этому поводу пришлось пережить резервисту 69-го пехотного полка Ю. Срэчи, который провел полтора года на фронте. Он дезертировал в январе 1918 г., не встретив должного понимания при своем ходатайстве об отпуске [5, FKG der 6. AK (Quartiermeisterabteilung), Karton 2216/18, Strafact K 5385/1918, Julius Sryocsi].

Резко возросший конфликтный потенциал в армейской среде нередко влек за собой проступки, совершавшиеся военнослужащими в состоянии аффекта. Осознав спустя короткое время грозившую им

уголовную ответственность, проштрафившиеся военные самовольно оставляли место службы. 4 декабря 1917 г. в Филлахе И. Вилч, охранявший русских военнопленных, удалился в неизвестном направлении, оставив их без надзора и не сообщив об этом другому конвойному. За день до случившегося Вилч поскандальил с сослуживцем Турнером, посчитав его виновным в наложенном незадолго до этого на него двухнедельном аресте. После короткой перебранки Вилч начал избивать своего сослуживца [5, FKG der 6. AK (Quartiermeisterabteilung), Karton 642 - 643/17-18, Strafact K 1022/1918, Johann Wiltsch].

Таким образом, в мотивации военнослужащих были представлены самые разнообразные обстоятельства и причины. Сведение всего мотивационного спектра исключительно к проявлениям национально-политического протеста со стороны «угнетенных наций» явно обедняет историческую картину дезертирства из австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны. Использование микроисторического инструментария с учетом имеющейся статистики позволило максимально дифференцировать формы дезертирства и лежавшие в его основе мотивы (причины).

Вместе с тем, выясняя обстоятельства, приведшие к нарушению воинского долга, нельзя сбрасывать со счетов то, что в силу официального характера информация о преступлениях военнослужащих, собираемая следственными органами, просеивалась через фильтры корпоративных интересов армии и собственных ей стереотипов мышления. Другая сложность состоит в интерпретации показаний обвиняемых и свидетелей. Совершенно бесперспективно искать в аргументации подследственных политически мотивированные конструкции. Часть из них определенно разбиралась в юриспруденции и рассчитывала на снисхождение Фемиды. Попавшие под следствие военнослужащие стремились оправдать свои преследуемые в уголовном порядке действия «безобидными» в политическом плане мотивами: семейными обстоятельствами, недостатком снабжения на фронте, желанием сменить воинскую часть, конфликтами с офицерами и сослуживцами.

Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина

Миронов В. В., кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры всеобщей истории
E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com
Тел.: 8-962-231-42-38

ЛИТЕРАТУРА

1. Armeen und ihre Deserteure. Vernachlässigte Kapitel einer Militärgeschichte der Neuzeit / hsg. von Bröckling U. und Sikora M. –Göttingen, 1998.
2. Голотик Л. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Словакии в 1917–1918 гг. / Л. Голотик. – М., 1960.
3. Gesetz vom 5. Juli 1912 über die Militärstrafprozessordnung für gemeinsame Wehrmacht. – Wien, 1912. – § 139.
4. Überegger O. Der andere Krieg : Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg / O. Überegger. – Innsbruck, 2002.
5. Österreichisches Staatsarchiv (Wien) - Kriegsarchiv - Bestand -Militärgerichtsarchiv.
6. Jahr C. Gewöhnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918 / C. Jahr. – Göttingen, 1998.
7. Hermann J.W. Kuprian. Warfare-Welfare. Gesellschaft, Politik und Militarisation in Österreich während des Ersten Weltkrieges / Hermann J. W. Kuprian. // Ein Kriegzwei Schützengraben. Österreich – Italien und der Erste Weltkrieg in den Dolomiten 1915–1918 / hsg. von B. Mazohl-Wallnig. – Bozen, 2005.
8. Cornwall M. Auflösung und Niederlage. Die österreichische Revolution / M. Cornwall // Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts. – Essen, 2004.
9. Schreiben des ungarischen Landesverteidigungsministers an den k.u.k. Kriegsminister betreffend Hintanhaltung der Verbreitung der südslawischen Idee durch die Presse in Kroatien // Spann G. Zensur in Österreich während des 1. Weltkrieges 1914–1918. – Wien. 1972.
10. Nussgruber J. Die österreichische Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. Desertion in den Militärgerichtsakten am Beispiel der Isonzoarmeen / J. Nussgruber. – Wien, 2003.
11. Mit den Bosniaken im Weltkrieg. Auszug aus Pero Blaškovic «Sa bosnjacima u svejtskom ratu». – Wien, 2001.
12. Hämmerle C. Ein gescheitertes Experiment? Die allgemeine Wehrpflicht in der multiethnischen Armee der Habsburgermonarchie / C. Hämmerle // Journal of modern European History. – 2007. – Vol. 5.

Tambov State University named after G. R. Dergavin
Mironov V. V., Candidate of the Historical Sciences,
Scientific Assistant of the Department of General History
E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com
Tel.: 8-962-231-42-38